

этом присутствовал, хотя бы недолго? Кто, идя по нашим следам, возьмет на себя труд прочесть поразительные истории нашего века, искаженные, изуродованные, заглушенные платными обманщиками? Кто, не знающий истории, согласится с пристрастием автора к жестоким сценам? Потому за недостатком памяти и рвения и еще потому, что погасла былая страсть, мои благие намерения и желания превратились в безумную смелость, и всю эту писанину, запрятанную в лари и шкафы, я извлекаю оттуда на ваш суд. Очевидно это ошибка — сохранять старые наброски со всеми сокращениями, пометками и неразборчивыми словами, которые не под силу прочесть самому автору, так торопливо написано. Пропуски, с которыми вы встретитесь, поначалу меня коробили, но после стало ясно, что их плачевный вид не позволит доброму отцу бросить столь искалеченных чад. Подумалось, что мы натолкнем сочинителя на мысль о втором издании, где будут не только исправлены недоделки, но и какие-то примечания прояснят наиболее темные места. В этой книге вы найдете сжатый лаконичный штиль, не столь гладкий, как в писаниях теперешних сочинителей, встретите стихотворные метры в духе минувшего века, которых уже не встретишь теперь в сочинениях, написанных соответственно нынешней моде особенным жеманным штилем: желание показать вам сие и явилось второй причиной моего воровства. Это разожгло меня и лишило всякого страха, а еще то, что перед глазами постоянно бывали наглые кражи нынешних сорок, которые собирают урожай с чужих полей еще до поры созревания. Мы видим в четверостишиях Матье по три строчки, уворованные из «Трактата о сладостях печали»⁷, наспех написанного как послание Мадам, сестре короля Генриха, ответ от коей я еще для вас сочиню. Таким образом, гаснущую любовь к Церкви